

Э.В. Толль

**ЭКСПЕДИЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
1893 года на Ново-Сибирские острова
и побережье Ледовитого океана**

Сообщение барона Э. В. Толля.

(Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 6-го апреля 1894 г.).

Наш знаменитый академик К.М. Бэр доказывал в известной своей речи: «о заслугах Петра Великого по части распространения географических познаний», что «большая северная экспедиция», значительнейшая из всех географических экспедиций, была ничто иное, как разрешение задачи, указанной великим государем, продолжение Им задуманной экспедиции.

Пётр сам начертал за пять недель до своей кончины инструкцию для экспедиции Беринга, как разрешить вопрос о разделности Старого и Нового Света. Но кроме этой главной задачи, как известно, «большая северная экспедиция» преследовала и ещё многочисленные цели, для достижения которых отправилась целая партия учёных академиков и морских офицеров в центр Сибири и на побережье Ледовитого океана.

Память об этой на столько же великой, сколько и трагической экспедиции — преподающей подвигами своих героев моряков высокий пример и нашему поколению, как исполнить, не жалея себя, свой долг — глубоко проникла в душу нам, которым довелось пройти местность, где похоронены 44 матроса с командовавшим ими лейтенантом Ласииусом на устье реки Хараулаха, видеть могилу лейтенанта Прончищева и его жены, умерших в 1737 году на устье реки Оленька, убедиться в целостности избы, в которой зимовал лейтенант Лаптев на устье Анабара, — реки, составляющей центр поставленных нашей экспедиции географических задач.

Главная цель нашей экспедиции, собственно, не была географическая, она состояла в исследовании местонахождения трупа мамонта в тундре к востоку от устья реки Яны и — в случае нахождения целого трупа — в добыче и доставлении его в Императорскую Академию Наук. На случай же неудовлетворительных результатов непосредственного

исследования местонахождения мамонта, Академия допускала изучение мало или вовсе неизвестных частей Сибири, именно нетронутый со времён «большой северной экспедиции» бассейн реки Анабара.

Известия об открытии трупов мамонта в Сибири служили уже неоднократно поводом к снаряжению учёных экспедиций. Предпоследнее заявление о находке трупа мамонта дошло до Академии в 1889 году. Местонахождение этого мамонта было около 73° с. ш. на берегу р. Балáхна, впадающей в Хатангскую губу. Тогда Академия удостоила меня выбором в руководители экспедиции, целью которой, кроме раскопки мамонта, ставилось и географическое исследование бассейнов рек Хатанги и Анабара. Серьёзная болезнь, однако, заставила меня отказаться от вышеупомянутого почётного поручения, и тогда Академия решила отправить покойного И.Д. Черского не для отыскания заявленного мамонта, но на три года к рекам Колыме, Индигирке и Яне, для сбора остатков потретичных животных. Вследствие прискорбного известия о кончине нашего неутомимого и бескорыстного исследователя Сибири И.Д. Черского в 1892 году Академия вторично удостоила возложить на меня заведывание новой экспедицией.

Определение астрономических пунктов, а также и производство маршрутной съёмки и магнитных наблюдений поручено было прикомандированному для этой цели от Морского Министерства, по ходатайству Августейшего Президента Императорской Академии Наук Великого Князя Константина Константиновича, лейтенанту Евгению Ивановичу Шилейко, помощнику начальника экспедиции.

Цели новой экспедиции, упомянутые выше, отклонились, таким образом, от целей экспедиции покойного И.Д. Черского, но, с другой стороны, тесно связались с задачами экспедиции, снаряжённой Императорскою Академиею Наук в 1885 и 1886 годах под начальством д-ра А.А. Бунге на Ново-Сибирские острова и в Прианский край.

Мне, как состоявшему при экспедиции д-ра Бунге в качестве геолога и помощника начальника экспедиции, представилось теперь редкое счастье продолжать и дополнить свои собственные работы. Вопрос о мамонте, т. е. не только о его наружном виде и о том, как достать чучело мамонта, но и собиране более подробных сведений об условиях жизни мамонта и его современников, равно как и о физико-географической картине периода истории нашей земли, имеющего существенный интерес для человечества, так как именно в этом периоде вместе с мамонтом

появился первый след человека — ожидал здесь новых данных к окончательному выяснению. Правда — богатейшая коллекция остатков портретных животных, собранная д-ром Бунге в 1886 г. на Большом Ляховском острове и описанная покойным И.Д. Черским в известном его крупном и выдающемся тщательностью обработки труде, с палеонтологической точки зрения подвинула уже вопрос о мамонте значительно вперед. Но в смысле общегеологическом, мне, занимавшемуся как раз перед отъездом обработкою геологического материала Ново-Сибирской экспедиции, казалось, конечно, весьма плодотворным с расширенными критическими взглядами вторично осмотреть, например, классические обрывы острова Ляхова.

Выехав 25-го декабря 1892 г. вместе с лейтенантом Шилейко из С.-Петербурга, мы приехали в Якутск 23-го февраля. 9-го марта экспедиция выступила из Якутска на север.

С реки Алдана начинается езда на оленях, парами запряжённых в легкие сани, так называемые нарты. По долине реки Тукулана мы поднялись к подножью Верхоянского хребта. Через последний мы перебрались известным крутым Тукуланским перевалом (около 5.000'). Дальше на север дорога наша пошла по Янской долине до города Верхоянска, известного за полюс холода (в 1885 году наблюдалось здесь $-68^{\circ}\text{C}.$), а затем в село Казачье под 71° с. ш. на устье Яны, куда поспели в ночь пред Пасхой 27-го марта, проехав таким образом, вместе с остановками в городах Иркутске и Якутске для снаряжения экспедиции, в течение трёх месяцев 11.000 вёрст.

Посоветовавшись здесь, в с. Казачьем, со старыми своими друзьями, особенно с своими проводниками 1886 года на остров Котельный, ламутами Джергели и Омунджа, я убедился в возможности расширить маршрут экспедиции поездкою на собаках по льду Ледовитого океана на Ново-Сибирские острова, по зимнему пути. Кроме вышеупомянутых геологических задач, при таком путешествии на Ново-Сибирские острова являлся удобный случай возобновить астрономические и магнитные наблюдения лейтенанта Анжу (1821-1824 гг.) и пополнить их работами лейтенанта Шилейко. Этим пополнялся пробел последней Ново-Сибирской экспедиции (1886 г.) и расширялся круг магнитных и астрономических наблюдений нашей экспедиции.

После праздников я выехал вперёд с М. Санниковым к месту нахождения мамонта, в 250 верстах на NO от Устьянска, между тем как лейтенант Шилейко, занятый ещё наблюдениями в селе Казачьем, должен был выехать несколькими днями позже. Разведочные работы на берегу реки Санга-юрях, на тундре в 100 верстах на SO от подножья Святого Носа, на местонахождения мамонта, к сожалению, не оправдали ожидания Санникова: нашлись только небольшие остатки кожи с шерстью, части оконечностей с сохранившимися в них мозгами и нижняя челюсть молодого мамонта. Череп был, очевидно, давно разломан и, конечно, без бивней. Все остатки лежали в аллювиальных песках реки, маскирующих послетретичные отложения, из которых река Санга-юрях давно успела вымыть и снова отложить остатки переда мамонта. Всё-таки мне казалось нужным для окончательного разрешения вопроса, осмотреть ещё раз эту местность после таяния снега. Итак, оказалось весьма целесообразным воспользоваться временем до таяния снега для поездки на острова.

Кстати представился случай соединить это путешествие с делом, которое, быть может, будет иметь большое значение для судьбы отважного путешественника д-ра Нансена и его спутников.

Дело в том, что незадолго пред моим отъездом из С.-Петербурга я получил письменную просьбу от моего друга д-ра Нансена указать ему путь, как достать хороших ездовых собак из Сибири для его полярной экспедиции на пароходе «Fram». Посоветовавшись с нашими знатоками азиатского и европейского севера, именно с академиком Ф.В. Шмидтом и с Ф.Н. Чернышевым, я убедился, что единственной возможностью было заказать остяцких собак с реки Сосвы и отправить их Нансену навстречу в Хабаровку на Югорском Шаре, как пункта, который он безусловно не минует. Благодаря любезным указаниям бывшего Тобольского губернатора В.А. Тройницкого и содействию г. Вардроппера в Тюмени, удалось найти лицо, вполне надёжное, изъявившее готовность купить и доставить остяцких собак д-ру Нансену в Хабаровку. Труд этот взял на себя г. Тронтгейм, живущий в Тобольске. Он же успел лично передать в июле минувшего года заказанных собак самому д-ру Нансену, к полному удовольствию последнего. На случай же негодности этих остяцких собак, после длинного тяжёлого пути с реки Сосвы через Урал и по Печорскому краю до Югорского Шара, считающихся притом в Сибири не самыми лучшими — я предложил д-ру Нансена принять меры

для доставки ему других собак на устье Оленька. Исполняя попутно, по дороге в Сибирь, просьбу Нансену и занятый судьбой его экспедиции, я напал на мысль, что в случае крушения парохода «Fram», например, около Санниковой земли, могли бы, для спасения экипажа, принести немалую пользу провиантные депо на Ново-Сибирских островах, через которые, в случае крушения парохода путешественникам пришлось бы возвращаться на материк. Развивая свою мысль в Иркутске, между прочим, П.Ф. Кельху, я нашёл у него поддержку и он охотно пожертвовал нужные средства (1.500 руб.) на приобретение и на доставку на Ново-Сибирские острова и устройство там спасательных провиантных депо для Нансена. Этому доброму примеру последовал и якутский купец Я.Ф. Санников, живущий зимой в селе Казачьем, пожертвовав, для доставки провианта на остров Котельный, 36 собак с упряжью, тремя санями (нартами) и отчасти собачьим кормом.

Доставление провианта на острова я предполагал поручить М. Санникову, летовавшему уже дважды на Ляховских островах, но он, в виду спешности дела, плохого состояния своих собак и недостаточного количества собачьего корма, согласился доставить провианта только на Малый Ляховский остров. Поэтому нам самим пришлось попутно устроить провиантные депо в двух определённых пунктах на острове Котельном, о чём я успел, через посредство королевско-шведского посланника Рейтершельда, по телеграфу сообщить Нансену до его отъезда к полюсу. Всё удалось нам впоследствии исполнить вполне удовлетворительно.

19-го апреля экспедиция наша покинула материк у подножия Святого Носа и отправилась по льду на остров Большой Ляхов. Весь состав экспедиции состоял из шести человек; я, лейтенант Шилейко, прикомандированный к экспедиции казак Якутского полка¹ и три ламута; из последних двое уже в 1886 г. служили мне проводниками на острове Котельном. Мы пристали и теперь на южном берегу острова Ляхова в Малом Зимовье. Но в этом году острова показались нам в совсем другой окраске, чем в 1886 году. Во время пребывания в 1886 году мы испытывали, например, ещё 1-го мая -21° С., а теперь 24-го апреля, на Большом Ляховском острове, встретил нас первый дождь, после которого, однако

¹ Урядник Якутского казачьего полка Степан Иннокентьевич Расторгуев (1864 г.р.). Участвовал перед этим в Колымской экспедиции И.Д.Черского. Будущий участник следующей экспедиции Э.В.Толля и нескольких других научных экспедиций. – прим. OCR.

же, последовали ещё настоящие пурги. Но дождь 24-го апреля был предвестником раннего наступления лета. Острова Котельного мы благополучно достигли 27-го апреля, несмотря на плохие нарты и на слабых собак, управляемых притом весьма неопытными каюрами. Нужно заметить, что я, имея очень мало времени для снаряжения экспедиции, не был в состоянии ни подобрать лучших собак, ни новых нарт, ни настоящих опытных каюров. Наши ламутские проводники, имеющие всегда только дело с оленями, редко с собаками, которых они и не любят, оказались не лучшими каюрами, чем мы сами. Тем не менее мы проследовали по западному берегу острова Котельного до $75^{\circ} 37'$, не добравшись лишь $33'$ до самого северного мыса острова.

Уже в начале мая на Котельном, к немалому испугу наших проводников, явились первые летние гости: сперва чайки (*Larus argentatus*), потом гуси-турканы (*Somateria spectabilis*) прилетели с севера, показались кулики (*Tringa islandica*) и чайка-разбойник (*Lestrus pomarina*) и др. Последние нашли здесь обильную пищу — мышей (*Lemmus obensis*), единственных зимних обитателей этих островов; эти последние находились в лихорадочном движении, одни перекочёвывали с острова на остров, другие с острова на материк, а третьи им навстречу с материка на острова. Итак, для «Фомки-Разбойника» представлялась лёгкая охота и лакомая дичь. Но не его одного манила сюда эта легко добываемая пища: и «хозяин севера» белый медведь ею не брезгал. В противоположность редким появлениям белого медведя в 1886 году, мы видали теперь очень часто его следы, и даже дважды его самого лично. Один старик-великан, досыта наевшийся мышей на острове Котельном, попался навстречу лейтенанту Шилейко, который удачным выстрелом успел обеспечить пропитание нашим голодающим собакам, с которыми, за неимением достаточного количества собачьего корму (сушёной рыбы) мы делились мясом диких оленей — добычею наших ловких ламутских охотников.

Эта оживлённая картина имела для нас и менее весёлую сторону. На обратном пути заморозки стали всё реже и реже, а на переходах, например, с острова Котельного на Малый Ляхов и дальше до материка, мы были принуждены даже сами тащить наши нарты, так как торосы, сцементированные зимой крепким снегом, торчали теперь в мягкой снежной каше или в воде — и представляли дорогу, по которой собаки отказывались везти. Несмотря на все невзгоды обратного пути, длиною

около 225 вёрст, мы благополучно достигли 27-го мая материка, опять у подножия Святого Носа при полном здоровья. Только лейтенант Шилейко, во время пребывания его на Котельном, сильно страдал причинённою отблеском снега глазной болью, до такой степени, что он на несколько дней совершенно ослеп. Кроме этих трудных дней, путешествие на острова оставило у нас только самое приятное воспоминание.

Теперь началась вторая часть экспедиция — летняя поездка верхом на оленях по тундрам и через Хараулахский хребет до реки Лены. С Айджергайдаха, подножья южного склона гор Святого Носа мы тронулись двумя отдельными караванами, так как мне нужно было ещё раз осмотреть местонахождения мамонта.

И теперь я нашёл только подтверждение своего первого мнения, что Санников имел дело лишь с остатками раздробленного, а не цельного мамонта.

Верховая поездка на оленях от Святого Носа до Лены, около 1.200 вёрст, убедила нас в возможности перебираться через тундры во все времена года и наглядно показала, что нет распутицы для путешественника, имеющего доброго оленя, для проезда через самые топкие места, и везущего с собою «ветку» (лодку из одного тополя или из трёх листовенничных досок) для переправ через реки. На этом пути мы опять познакомились с новыми и, для меня, характерными чертами полярного климата: в июле месяце, находясь на краю Ледовитого океана около 72° с. ш., мы испытывали +34°С. Притом небо было всегда ясное, что очень благоприятствовало наблюдениям лейтенанта Шилейко; но необыкновенная жара причиняла невыразимые муки от кровожадных комаров.

Перебравшись двумя отдельными партиями через Хараулахский хребет, мы соединились опять 19 июля в урочище Кумах-сур на Лене, куда лейтенант Шилейко направился более северным путём с губы Борхая, между тем как я перебрался оттуда прямо на запад в Булун. Отсюда я имел счастливый случай проехать вместе с преосвященным Мелентием, Якутским архиепископом на пароходе «Лена» вниз до Кумах-Сура.

От селения Кумах-Сур, 21 июля, началось наше плавание на лодке вниз по Лене и через Ленскую дельту. Погода не особенно благоприятствовала нам — стояли ветреные, дождливые дни. Несмотря на это, мы счастливо проскользнули, частью под парусами, частью на вёслах, мимо крутых, скалистых берегов величавой реки и её островов, особенно Тас-

ары, у которого экспедиция Н.Д. Юргенса потерпела крушение. Через самую дельту мы перебрались по одному из бесчисленных протоков, не обозначенных на картах; благодаря лишь опытности лоцмана, норвежца И. Торгерсена, достигли мы благополучно материка около «Олохон-Креста» — мыса, от которого осталось только 100 вёрст верховой езды до устья Оленька. Ивану Торгерсену и была поручена мною покупка и доставка 26 собак до Болкалаха, на устье Оленька, для передачи их Нансену.

Болкалах, как последнее на запад до устья Енисея точно определённое место, был весьма важным пунктом для астрономических наблюдений. Ясными днями, нужными для работ лейтенанта Шилейко, я воспользовался для экскурсии в окрестностях Болкалаха.

Я имел случай восстановить крест на могиле достопамятных героев большой экспедиции при Императрице Анне Иоанновне, лейтенанта Прончищева и его жены, умерших здесь в 1737 году от цинги.

12-го августа наш длинный караван, состоявший из полсотни вьючных и верховых оленей, тронулся на запад в край, не пройденный ни единым из европейских путешественников со времён Лаптева и Прончищева, т. е. более полутора столетия. Проводниками нам служили один долган, единственный знаток этой местности, и 5 якутов.

21-го августа мы достигли, наконец, нашей главной цели — Анабарской бухты у мыса Бусхая. Теперь для удовлетворительного исполнения нашей главной задачи не доставало только хорошей погоды и ясного неба. И — как на заказ — погода стала отличной на целый месяц; до 20 сентября было почти без исключения ясное небо и тёплые дни. Поэтому лейтенанту Шилейко удалось магистральной съёмкою снять Анабарскую губу и течение реки Анабара до границы лесов, до устья притока Уджа, около 400 вёрст. Съёмка обоснована на пяти астрономически определённых пунктах, на которых произведены также и магнитные наблюдения.

Покончив геологические и географические работы на Анабаре, можно было бы вернуться Хитровским маршрутом на Булун и по известному уже пути обратно. Но представился случай, — слишком заманчивый, чтобы его пропустить, — проехать новым, ещё никем не сделанным, маршрутом на запад и связать таким образом астрономически определённые пункты на реке Анабаре с ближайшим на западе точно

определённым пунктом — с селом Дудинским на Енисее, с Туруханском и Енисейском.

Для исполнения этого плана пришлось мне всё-таки ещё раз вернуться в Булун для расчета с купцами, для принятия ново-сибирских коллекций, оставленных в Казачьем по первому распоряжению, но выписанных впоследствии оттуда на Булун. Во время моего путешествия на восток лейтенант Шилейко, покончив свои работы на Анабаре, отправился вперёд по тундре через «Олохон-кель» на запад к устью реки Попигай в Хатангской губе и оттуда вверх по Хатанге до села Хатангского, где я намеревался соединиться с ним в начале ноября.

18-го сентября мы расстались на Анабаре при совершенно летней погоде, а 22-го в тундре выпало столько снега, что возможным оказалось начать наконец зимнее путешествие, расстаться с сёдлами и покончить 3.000-вёрстную верховую езду на оленях.

Но я не могу не упомянуть здесь с восторгом о подвигах наших верховых оленей. Что может больше говорить в их пользу, если сказать, что, например, в июле, при страшных жарах и комарах, они нас возили по 70 и 80 вёрст в сутки: или упомянуть, что я на одном и том же олене проехал с Болкалаха до Дороха на Анабаре, т. е. 700 вёрст.

24-го сентября я достиг вторично Болкалаха, следуя совершенно новым маршрутом. Здесь я узнал от И. Торгерсена, ожидавшего с собаками прибытия парохода «Fram», что никаких примет или следов экспедиции д-ра Нансена им не было замечено. Известие это меня несколько не беспокоило. Во-первых, я предполагал теперь, что Нансен нашёл остяцких собак хорошими и не нуждался в других, а, во-вторых, возможно было, что Нансен воспользовался хорошим, сравнительно чистым от льдов в этом году фарватером в Ледовитом океане и взял курс прямо на NO, обогнув мыс Челюскин.

14-го октября я тронулся обратно на запад и через 10 дней вторично достиг урочища «Дороха» на Анабаре. Отсюда начался интересный путь по неизвестному до сих пор плоскогорью, представляющему водораздел между Хатангой и Анабаром, перерезываемый реками Попигаем и Блудной. Дни становились короче и короче, сильные пурги участились, а морозы доходили до -43°C .

4-го ноября я застал лейтенанта Шилейко в полном здоровья в селе Хатангском. Вступив здесь на маршрут, пройденный А.Ф. Миддендор-

фом, окончившим здесь 50 лет тому назад первую часть своего знаменитого путешествия, мы прекратили наши географические работы, из которых продолжались только ещё астрономические и магнитные наблюдения лейтенанта Шилейко. Темнота и глубокий снег не позволяли больше заниматься геологией. Начался лёгкий обратный путь. Сравнительно мало задерживаемые пургами, мы благополучно пробрались через последние тундры, на которых прожили девять месяцев, и затем достигли беспрепятственно села Дудина, на реке Енисее, 14-го ноября, Туруханска — 22-го ноября, Енисейска — 4-го декабря и С.-Петербурга — 27-го декабря.

В продолжение одного года и двух суток мы совершили, таким образом, путь длиною в 25.000 вёрст.

Сняты нами маршрутною съёмкой около 4.000 вёрст, не считая 400 вёрст магистральной съёмки лейтенанта Шилейко по реке Анабаре.

Маршрут опирается на 38 астрономически определённых пунктов, рядом с которыми шли и магнитные наблюдения. Ведён также гипсометрический маршрут и метеорологический журнал. Исследованный край иллюстрируется 150 фотографическими снимками. Собраны коллекции по преимуществу палеонтологические и геологические, а также этнографические, зоологические и ботанические.

Постараюсь теперь набросить лёгкими чертами предварительный эскиз географии пройденного пространства, насколько это возможно и позволительно в настоящее время. Область наших исследований относится к двум губерниям Восточной Сибири, Якутской и Енисейской, — именно к Верхоянскому и Туруханскому округам, границу которых составляет река Анабар. Эта область характерна тем, что в ней, как упомянуто выше, находится полюс холода Старого Света (в Верхоянске), и что почва её вечно мёрзлая.

В середине этого района протекает величественная Лена. По правому берегу её тянется Верхоянский хребет, имеющий, за исключением двух изгибов, почти меридиональное простираение до Ледовитого океана. Имея около источников Индигирки 7.000' вышины, при верховьях реки Яны около 5.000', Верхоянский хребет понижается постепенно к северу, расширяясь своими рядами цепей, которые вблизи Ледовитого океана, в части, известной под именем Хараулахского хребта, не поднимаются над уровнем моря больше 3.000'. Исчезая далее под Ледовитым океаном, несколько этих цепей опять выступают из-под него между 73°-76°

с. ш., образуя Ново-Сибирские острова, которые имеют уже высоту в самых высоких горах, например, острова Котельного, не более 1.500'.

Геологическое строение упомянутых горных цепей, как на материке, так и на Ново-Сибирских островах одно и то же: при одном и том же простираении, например, обнаруживаются здесь и там те же силурийские известняки, те же самые и триасовые сланцы, выступают здесь и там одни и те же граниты. Только у Святого Носа на берегу океана мы видим более юные массивы, образовавшиеся извержениями базальтов. Левый берег Лены относится к плоскогорью высотой в среднем около 500', состоящему по верхнему течению Лены из палеозоя, а ниже Якутска — из мезозоя и отчасти из третичных отложений, тождественных с угленосными слоями, образующими часть острова Новая Сибирь. Мезозойские отложения этого плоскогорья были уже раньше прослежены (А. Чекановским) до устья реки Оленька. Теперь удалось проследить их и в Ленской дельте и от устья Оленька до реки Анабара и вверх по ней до границы лесов, где они окаймлены выходами базальтов, образующими и водораздел между Анабаром и Хатангой. Анабарский мезозой имеет особенный интерес. Он представлен здесь палеонтологически богатыми юрскими и меловыми каменно-оксфордскими и неокомскими отложениями. Разработка собранного мной материала даст ответ на разные интересные вопросы истории земного шара. Так, например, этот материал разрешает в положительном смысле вопрос, поднятый покойным Неймайером о климатических зонах юрского периода; найденная в неокомских слоях фауна указывает теперь определённый возраст целому ряду интересных мезозойских форм раньше только валунами собранных в северной Сибири (Миддендорфом, Шмидтом). Приведу лишь ещё в пример, что юрские слои дают и ясное представление о геологическом положении ниже них лежащей угленосной песчаниковой толщи, содержащей в себе множество окаменелого дерева.

Доказательства распространения третичных отложений найдены во всех долинах плоскогорья и низменностей. Самым популярным представителем богатой третичной фауны является мамонт.

Издавна известно большое распространение на севере Сибири мамонтовых клыков и тоже почти баснословное богатство ими Ново-Сибирских островов. Но мы знаем, что кроме костей и бивней находились и целые трупы мамонта и носорога. Как объяснить последнее замечательное явление и то обстоятельство, что именно на Ново-Сибирских

островах находят такую массу костей и при том до такой степени отличного качества, что новосибирская кость часто не отличима от лучшей слоновой кости?

Стараясь получить удовлетворительный ответ на этот вопрос, мы должны проследить потретичные отложения всего сибирского побережья Ледовитого океана. Самый значительный фактор при этих явлениях — это вечно мёрзлая почва и особенно находящийся в ней почвенный лёд. Самые грандиозные массы такого льда находятся на Большом Ляховском острове. Они описаны уже раньше д-ром Бунге, и мною.

Что касается происхождения этих ледяных масс, то я пришёл уже после первого посещения острова Ляхова (в 1886 г.) к заключению, что эти ледяные массы, составляющие горную породу большей части названного острова — образовались в ледниковый период и представляют остатки древнего «мёртвого» ледника. Но тогда осталось ещё без точного ответа естественное возражение, почему здесь не были наблюдаемы ни типичные бараньи лбы, ни ледниковые шрамы, ни морены и перенос валунов.

Теперь сделан для выяснения этих вопросов шаг вперёд: под слоем вечного льда найдена мною в Анабарской губе, на берегу Ледовитого океана, под 73° с. ш., настоящая морена. Сама губа здесь является в форме типичного фиорда.

Кроме того, исследованная мною теперь структура ледяных масс, на островах и на материке, показывает ясное зернистое строение, факт, уничтожающий последнее сомнение в том, что лёд этот образовался из остатка снежного покрова, а не из застывшей речной или другой какой-либо воды. Обрывы в крутых берегах Большого Ляховского острова показали мне в минувшем году следующее интересное явление: в пресноводной песчано-глинистой толще, налегающей над вечным льдом, торчали рядом с остатками моллюсков (*Cyclas* и *Valvata*), насекомых, костями потретичных животных — т. е. в мамонтоносном слое — целые деревья ольхи (*Alnus fruticosa*), ив (*Salix*) и берёзы в 15 футов вышины с отлично сохранившимися листьями и даже шишками.

Факт этот ясно доказывает, что во время мамонта лесная граница простиралась не менее как на три градуса севернее, чем ныне, именно до 74°, тогда как теперь на материке она прекращается на 71°. Нам и ясно теперь, что лужайки с кустами ив, берёз и ольх на Ново-Сибирских

островах, составлявших тогда одно целое с материком, были вполне в состоянии прокормить мамонтов, носорогов и проч.

Проследив распространение почвенного льда по побережью Ледовитого океана, мы заметим некоторую законность: к западу и к востоку от низовьев Енисея до Хатангской губы в области трансгрессии плейстоценового Ледовитого океана нигде не замечены толщи почвенного льда, напоминающие по характеру и размерам ископаемые ледники. В области же, возвышающейся над постплиоценовым морем, в промежутке между Хатангской губой и Ново-Сибирскими островами, близ устьев рек Анабара, Лены, Яны и проч., мы находим описанные толщи льда, остатки бывшего оледенения.

Что касается редкости нахождения морен и отсутствия «бараньих лбов», то нужно указать не только на особенно сильное выветривание при северном климате, но и на сильное выдувание («deflation») и на особый характер размывания (erosion) рек в области вечно мёрзлой почвы. Здесь реки не вырабатывают настолько свои русла в вертикальном направлении, как в наших странах, но они отличаются частыми и периодическими передвижениями в горизонтальном направлении, почему обмывают гораздо большее пространство, чем у нас.

С последним явлением в тесной связи стоит и неровность нынешней лесной границы. Развитие леса является на севере не только в зависимости от широты места и от высоты над уровнем моря; здесь играет важную роль ещё и осушение, в противоположность к орошению, обязательному для лесов наших стран.

Остаётся ещё очертить несколькими словами отношение природы севера к животной жизни и к коренным жителям.

«Условия жизненных явлений в Сибири гораздо проще, главные, друг друга обуславливающие климатические причины, от которых они зависят, проявляются там гораздо резче, так что самый недостаток в разнообразии животных форм способствует лучшему пониманию общих законов жизни». Эти слова Миддендорфа отлично характеризуют отношения природы к животной жизни на севере Сибири.

Я упомяну лишь здесь законы: передвижения и приспособления и характер коренных жителей в зависимости от природы.

Интересные картины передвижения животных мы имели случай наблюдать на Ново-Сибирских островах: это, во-первых, упомянутое уже выше лихорадочное перекачывание мышей (*Lemmus obensis*).

Наши друзья ламуты рассказывают, что такого рода перекочёвывание повторяется через каждые три года. С тем в связи будто бывает то же периодическое странствование песцов, что было бы весьма понятно. Какая может быть причина этому передвижению мышей через каждые три года?

Стоит побывать на тундре и познакомиться с жизнью этих мышей. Всё более сухие места песчано-глинистой тундры разрыты подземными ходами, служащими этим прилежным и ловким земляным работникам для спасения от многочисленных врагов: птиц, песцов и, как мы видели, даже белого медведя. Во все подземные каналы вдувают зимние пурги снег и при растаивании последнего летом происходит сильное разрушение почвы и вместе с тем уничтожение растительности до такой степени, что бывшее местопребывание мышей представляет летом зачастую вид вспаханных полей. Таким образом, мыши, живущие корнями скудной тундровой флоры, лишённые корма, должны себе отыскивать новые местности для пропитания, а трёхлетний период переселения мышей соответствует, вероятно, периоду совершенного разрушения или новому появлению растительности.

Другой пример передвижения — это перекочёвывание диких оленей. Одни переходят ежегодно с материка на острова, другие с более южных частей тундр к берегу Ледовитого океана. Все стараются спастись летом от ужасных врагов: комаров и оводов. Известные пути оленей, например, переправы через реки, служит инородцам способом весьма выгодной охоты и поэтому, мне кажется, следует считать комаров нужным фактором в хозяйстве природы.

Что сказать о перелёте птиц, о мгновенном оживлении мёртво-тихой тундры на очень непродолжительное время, о прелести такой незабвенной картины? Все эти миллионы крылатых путешественников чувствуют один и тот же сильный агент — голод и любовь.

Любовь причиняет и странствование рыб из океана в реки. Классическую картину такого странствования к смерти от любви оставил нам Миддендорф при описании сибирской фауны.

Где найти лучшие примеры приспособления животных к окружающей их природе, к климатическим условиям, как не на севере? Напомним пример из послетретичного периода: длинную шерсть мамонта и носорога, защищавшую их от холода. Напомним белый зимний цвет куропатки, песка, зайца и прочих, меняющийся к лету на пёстрый цвет.

Ещё на более глубокую физиологическую связь с переменной цвета шерсти и перьев показывает факт, замеченный мной в 1885 году, что старые холостые самцы-куропатки не сменили зимнего белого платья ещё в июле месяце, тогда как семейные самцы давно уже имели пёстрый летний халат. Последних защищала природа от истребления, а первых, как ненужных в её хозяйстве, она бросала на произвол судьбы.

В прямой зависимости от периодического кочевания животных является жизнь коренных жителей.

Летом они перекочёвывают со своими оленьими стадами к морскому берегу и ко времени прихода рыбы направляются к большим рекам, а во время линяния птиц собираются около озёр. Зимой они перекочёвывают обратно к границе лесов, имея там бóльшую защиту от суровых пурге и занимаясь здесь песцовым промыслом и ловлей озёрных рыб. Но часть жителей остаётся всегда на тундре, и только из рассказов других знают эти люди про существование стоячего леса.

Кроме охоты и рыболовства, важную роль играет у коренных жителей собирание мамонтовой кости, вымытой везде реками и речушками и даже морскими волнами из берегов побережья океана, на материке и на островах.

На Большой Ляховский остров, например, собирается ежегодно компания более предприимчивых и смелых жителей материка.

Образ жизни, свойственный всем коренным жителям побережья Ледовитого океана, живущим разбросанно — якутам, тунгусам, ламутам и, начиная с Хатангской губы, самоедами, — обрисовывается в их характере: охота и особенно промысел мамонтовой кости, успехи которых не зависят от личной только ловкости, но и от случайного счастья, придают характеру черту легкомысленности и страсти к азарту. Опыт, что счастье зависит от случая, рождает суеверие, шаманство. Но, с другой стороны, мы находим между коренными жителями севера Сибири полное доказательство того, что постоянное сношение с природою сохраняет в человеке первобытную наивно-детскую доброту сердца. Кроме того, суровость жизненных условий даёт им понятие о том, что они поставлены в зависимость от дружеских между собою отношений, и поэтому они имеют удивительную для нас, европейцев, высокую нравственность, которая высказывается в исповеди моих друзей, признающих только следующие три греха: первый — супружеская неверность, второй — клевета, а третий и последний — воровство. Мы видим, что

убийство не находится в их нравственном своде законов, это между ними и немыслимо. Но надо заметить, что все коренные жители, хотя и крещёные, имеют меньше чем поверхностное понятие о христианстве. Нельзя не любить коренных жителей побережья Ледовитого океана, нельзя нам особенно не вспоминать их с чувством благодарности за гостеприимство и безукоризненно хорошие отношения к нам. Поэтому-то мне и нельзя умолчать об их трудном положении. Они, со времён покорения Сибири, привыкли платить дань без разговора, и платить даже за мёртвые души, покупать от купцов плохой товар и водку за дорогую цену; но тяжело смотреть, что вместо изливания между ними божественных даров Духа Святого, разливается инородцам пагубная сивуха в собственную пользу продавцов.

Путешественник, благополучно покончивший своё дело на севере, не может иначе как с благодарностью вспоминать прошедшее, как ни тяжело было иногда исполнение его долга, за случай учиться у природы и у добрых людей, за случай развивать свои нравственные силы. Исполнение возложенного труда удаётся всегда путешественникам, имеющим девиз, отлично выраженный якутской поговоркой: «бір äраіз äölöх», по-русски: «умереть вместе, любя друг друга и свою задачу». Под этим самым девизом и приняла экспедиция д-ра Нансена на себя известную отважную задачу; я вполне уверен, что этот девиз принесёт д-ру Нансену высшую помощь и счастье.

И есть ещё много работы русским географам на севере, на сибирском материке и на островах, открытых и ещё не открытых, но отчасти виденных издали. При рассказе о виденной и мною в 1886 году Санниковой земле на N от острова Котельного, мой проводник Джергели, семь раз летовавший на островах и видевший несколько лет подряд эту загадочную землю, на вопрос мой, «хочешь ли достигнуть этой дальней цели?» дал мне следующий ответ: «раз наступить ногой и умереть!»

OCR Андрей Дуглас, 2025